
АРХИВ / ARCHIVE

<https://doi.org/10.34680/vistheo-2020-2-171-186>

СОФИЯ – ПРЕМУДРОСТЬ БОЖИЯ В ИКОНОГРАФИИ СЕВЕРА И ЮГА РОССИИ

Протоиерей Пётр Лебединцев

Небольшая статья протоиерея Петра Лебединцева, опубликованная в Киеве в 1884 году, является примером иконологического исследования, характерного для русской науки XIX века. Автор анализирует композицию и содержание русской иконы Софии Премудрости Божией в двух её вариантах – новгородском и киевском. Центральная фигура новгородской иконы – восседающий на троне крылатый огневидный ангел, который визуальнo означает Иисуса Христа как воплощённую Божественную премудрость. Этот образ царственной Премудрости отсылает зрителя и к книге Притч Соломона, и к книге пророка Исаии, и к Апокалипсису Иоанна Богослова. Сидящей Софии справа и слева предостоят Пресвятая Богородица и св. Иоанн Креститель. Над Софией в круте помещён образ благословляющего Христа, а всю композицию сверху замыкает небесная арка со звёздами, ангелами и престолом в центре. Автор статьи утверждает, что композиция иконы визуальнo воспроизводит ключевой элемент храмовой декорации собора Святой Софии в Константинополе, где на двух столпах располагались образы Девы Марии и Иоанна Предтечи, а на своде арки помещался круглый медальон с изображением Иисуса Христа. Такая иконографическая композиция первоначально сформировалась в Новгороде. В Москве новгородская икона появляется только в XVI веке, что связано с приездом из Новгорода митрополита Макария. Содержание новгородской иконы Софии является, согласно автору, не античным, не мифологическим, а строго библейским, что подтверждается литургической и гимнографической практикой Восточной церкви. На киевской иконе Софии изображена Богородица с младенцем Христом под сенью на семи столпах, стоящей на семи ступенях, символизирующих добродетели. По краям лестницы расположены пророки, а сверху изображены ангелы, Бог Отец и Святой Дух в виде голубя. Сюжет этой иконы автор связывает с содержанием 12 главы Апокалипсиса. Прот. П. Лебединцев старается проследить истоки и историю формирования двух названных типов софийной иконы, приходя к выводу об их равном возрасте и православном характере.

Ключевые слова: икона, визуальная семиотика, православная иконография, София Премудрость Божия, новгородская икона, киевская икона.

SOPHIA THE WISDOM OF GOD IN THE ICONOGRAPHY OF THE NORTH AND SOUTH OF RUSSIA

Archpriest Peter Lebedintsev

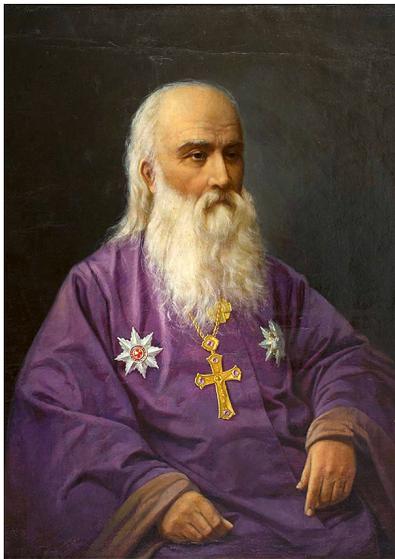
A small article by Archpriest Peter Lebedintsev, published in Kiev in 1884, is an example of iconological research typical for the Russian science in the 19th century. The author analyzes the composition and content of the Russian icon of Sophia the Wisdom of God in two of its versions, associated with Novgorod and Kiev. The central figure of the Novgorod icon is a winged fiery angel seated on a throne, which visually means Jesus Christ as the embodied Divine Wisdom. This image of the royal Wisdom refers the viewer to the book of Proverbs of Solomon, and to the book of the prophet Isaiah, and to the Apocalypse of John the Theologian. To the right and left of the seated Sophia there are the Holy Mother of God and St. John the Baptist. Above Sophia, in a circle, there is an image of the blessing Christ, and the entire composition from above is closed by a heavenly arch with stars, angels and an altar in the center. The author of the article claims that the composition of the icon visually reproduces the key element of the temple decoration of the Hagia Sophia in Constantinople, where the images of the Virgin Mary and John the Baptist were located on two pillars, and a round medallion depicting Jesus Christ was placed on the arch. This iconographic composition was originally formed in Novgorod. The Novgorod icon appears in Moscow only in the 16th century, this was due to the arrival of Metropolitan Macarius from Novgorod. The content of the Novgorod icon of Sophia is, according to the author, not antique, not mythological, but strictly biblical: this is confirmed by the liturgical and hymnographic practice of the Eastern Church. The Kiev icon of Sofia depicts the Mother of God with the infant Christ under a round roof on seven pillars, standing on seven steps, symbolizing Christian virtues. Along the edges of the stairs are prophets, and above are angels, God the Father and the Holy Spirit in the form of a dove. The author connects the plot of this icon with the content of the 12th chapter of the Apocalypse. Archpriest P. Lebedintsev follows the origins and history of the formation of the two named types of Sophia icons, coming to the conclusion about their equal age and about their Orthodox character.

Keywords: icon, visual semiotics, Orthodox iconography, Sophia the Wisdom of God, Novgorod icon, Kiev icon.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мы продолжаем серию публикаций, посвящённых исследованию одного из наиболее сложных по смыслу христианских сакральных образов – иконы Святой Софии Премудрости Божией. Обращение к истории таких исследований даёт нам повод припомнить и отчасти вернуть в научный «оборот» наиболее важные и в своё время весьма заметные работы, посвящённые осмыслению композиции и богословского содержания иконы Святой Софии, а также способам визуальной презентации этого содержания средствами восточнохристианской иконографии. Внимание к достигнутым

ранее результатам не только является выражением признательности прежним исследователям за их труды, но и обеспечивает известную преемственность «софиологических» штудий в специфическом предметном поле визуальной теологии.

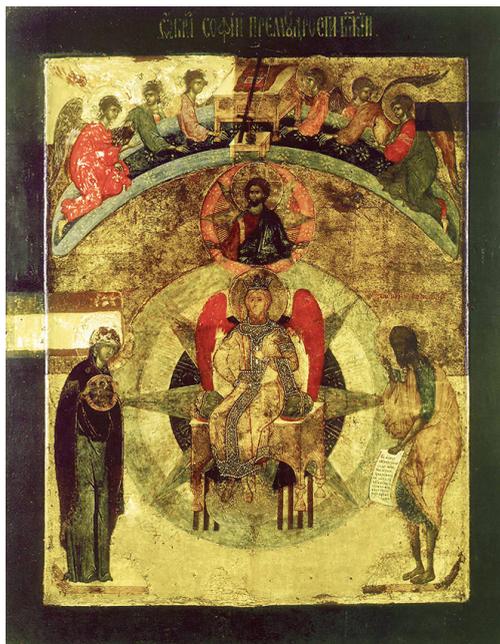
Протоиерей П. Г. Лебединцев. 1819–1896

Источник: <http://fotopaterik.org/i/9107/>

Автор публикуемой ниже статьи протоиерей Пётр Лебединцев († 1896) – выпускник Киевской Духовной Академии (1839–1843), в последние годы жизни избранный её почётным членом. Большая часть его жизни связана с Киевом и ближайшими к нему районами, то есть с древним южным ядром русского государства. Изучение культурного наследия, связанного с этим регионом, являлось главной целью и важнейшим мотивом научной деятельности отца Петра; при этом он стремился рассматривать предметы своего исследовательского интереса в максимально широком историко-культурном и искусствоведческом контексте.

Пётр Гаврилович Лебединцев родился в декабре 1819 года в селе Зелёная Дубрава, где его отец служил священником Киевской епархии. Семья была многодетная и весьма бедная. Пётр учился в Богуславском духовном училище, затем в Киевской Духовной Семинарии, где показал лучший результат на курсе и был рекомендован к поступлению в Академию, которую окончил со степенью магистра богословия. В 1843–1845 гг. он трудился преподавателем на кафедре словесности Орловской Духовной Семинарии, затем вернулся на родину и около шести лет работал профессором на кафедре логики и психологии Киевской Духовной Семинарии, преподавая также иностранные языки – немецкий и французский. Одновременно он служил в должности семинарского эконома. За превосходное исполнение учебных и административных обязанностей Лебединцеву было пожаловано «квартирное пособие» в размере 110 рублей в год [Титов 1897, 3–4].

В 1851 году Пётр Гаврилович по собственному желанию получает должность священника Преображенского храма в Белой Церкви, где он становится также законоучителем в местной гимназии. Потеряв жену после двух лет брака, отец Пётр все свои силы посвящает церковному служению и науке, прежде всего «родиноведению» [Титов 1897, 5]. При этом он занимается и практическим сохранением разрушавшихся памятников Белой Церкви, за что был в своё время отмечен Н. И. Костомаровым [Титов 1897, 7]. Кроме занятий наукой, о. Пётр активно участвовал в организации и открытии школ для крестьянских детей.

Новгородская икона Софии – Премудрости Божией. Первая четверть XV в.

Благовещенский собор Московского Кремля

Источник: <https://drevo-info.ru/pictures/15547.html>

В 1860 году Пётр Лебединцев переводится в Киев и назначается священником Киево-Подольского Успенского собора, а также законоучителем Второй Киевской гимназии. В 1861 году он был возведён в сан протоиерея, проходя затем службу в различных киевских храмах, в том числе – в кафедральном Софийском соборе (1868–1896). Являясь членом Киевской духовной консистории, он непосредственно участвует в открытии епархиального женского училища (1863) и начинает издавать «Киевские епархиальные ведомости» (1862). На страницах этого издания публикуются исследования об истории и «древностях» Киева. Начало деятельности «Киевских епархиальных ведомостей» под руководством прот. Петра Лебединцева совпало с оживлением интереса в России к общей и региональной истории: «по всем епархиям были образованы тогда особые церковно-исторические комитеты, которые должны были заняться собиранием материалов и составлением,

на основании их, описаний церковно-исторических памятников и древностей» [Титов 1897, 30; ср.: Игнатий 2020, 141–142]. «Ведомости» берут на себя труды по осуществлению задач, поставленных перед церковно-историческими комитетами, выступая скорее как научное, чем как публицистическое издание. Отец Пётр бы главным редактором «Ведомостей» с момента их основания до самой его кончины, правда, с перерывом на 12 лет – с 1874 по 1886 гг.

Кроме того, прот. П. Лебединцев был основателем и активным сотрудником известного журнала «Киевская Старина» (в котором и была напечатана публикуемая здесь статья об иконе Св. Софии), а также одним из учредителей Общества Нестора Летописца при Киевском университете Св. Владимира. Он публикует свои исторические исследования и в «Киевской Старине», и в «Чтениях в Обществе Нестора Летописца». В 1863 году он избран в состав киевской учёной комиссии по разбору древних актов, оставаясь её деятельным участником до конца жизни. Свои исследования отец Пётр печатал и на страницах «Трудов Московского Археологического Общества».

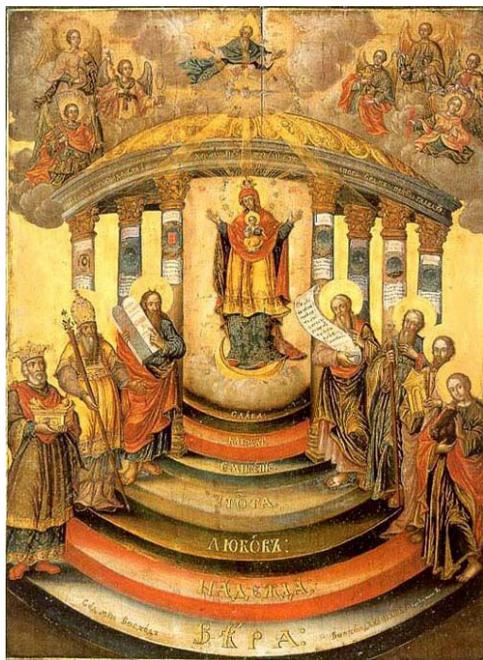
Исключительным научным интересом прот. П. Лебединцева «было изучение местной киевской церковной истории и археологии» [Титов 1897, 33]. Предметами его исследовательской и издательской деятельности были: 1) архивные материалы, относящиеся к истории Киевской епархии, Киевской губернии и «южно-русского края» в целом; 2) церковная история, в том числе исторические описания Киевского Софийского собора, Михайловского Златоверхого монастыря, Киево-Печерской лавры, храма Спаса на Берестове и др.; 3) церковная археология, включающая в себя научное исследование предметов и явлений церковного искусства, имеющих высокое значение с исторической, эстетической и религиозно-культурной сторон. В последней из перечисленных областей научного творчества отец Пётр опубликовал статьи о фресках и мозаиках Софийского собора, о чине выноса плащаницы и о древней топографии Киева; сюда же надо отнести его сочинение «София – Премудрость Божия в иконографии севера и юга России» [Лебединцев 1884]. Были опубликованы также его многочисленные проповеди. При этом он дважды путешествовал за границу «с учёными целями» [Титов 1897, 43].

На III Археологическом съезде, проходившем в Киеве в 1874 году, прот. Пётр Лебединцев был председателем по отделу церковных древностей (V отделение съезда) и выступил с фундаментальным развёрнутым докладом «О Св. Софии Киевской» [см.: Модестов 1878, LIV–LV, 53–93]. Он был почётным членом киевского Императорского университета Св. Владимира (с 1893 г.), состоял в Императорском Православном Палестинском Обществе, в Одесском Обществе Истории и Древностей¹. С 1870 по 1873 г. он принимал активное участие в работе Высочайше учреждённого при Св. Синоде Комитета по преобразованию духовно-судебной части, созданного с целью «приведения в согласие духовного суда с гражданским судо-

¹ Записки Общества доступны здесь: http://www.library.chersonesos.org/showsection.php?section_code=5. В XX томе Записок опубликован некролог [Петровский 1897].

производством» [Титов 1897, 40]. Участвовал в деятельности Церковно-исторического общества при Киевской Духовной Академии, исполняя обязанности товарища председателя; в конце жизни он завещал Академии большое количество ценных книг и рукописей из своей личной библиотеки.

Протоиерей Пётр Гаврилович Лебединский скончался в декабре 1896 года. Отпевали его в Киевском Софийском соборе, похоронили на Киево-Подольском Щекавицком кладбище.

Киевская икона Софии – Премудрости Божией

Источник: <http://pravicon.com/icon-301>

В своём исследовании об иконе Св. Софии прот. П. Лебединцев обнаруживает глубокое знакомство с историей византийской и русской иконографии. Рассуждая о содержании и происхождении софийного образа, автор опирается на исследования предшественников, прежде всего – Г. Д. Филимонова [Филимонов 1876], однако при этом труды преосвященных Игнатия и Макария [Игнатий 2020] вовсе не упоминает. Хотя, по убеждению автора, икона Премудрости «не особенно древнего происхождения» [Лебединцев 1884, 559], он всё же старается проследить пути формирования «софийной» композиции, обнаруживая её истоки в текстах Священного Писания, в гимнографии и иконографии раннего христианства. Обращается он и к свидетельствам древних документов. Кроме того, автор прибегает к своеобразному архитектурному объяснению композиции новгородской иконы Премудрости, апеллируя к структуре и росписям Софийского собора в Константинополе [Лебединцев 1884, 559–560]. Храм, созданный Софией (Притч 9:1–6), образуется на иконе фигурами предстоящих Ей – Божией Матери и св. Иоанна Предтечи, а также аркой небесного свода

со звёздами; таким образом, на иконе воспроизводится композиция алтарной арки собора, ключевого элемента всей храмовой архитектоники. Автор приходит к следующему заключению: центральная фигура новгородской софийной иконы – «это не св. Дева, а воплощённая Премудрость, Господь Иисус Христос в виде ангела Нового Завета, облечённый атрибутами царской власти, а рамой этой картине служат изображения, скопированные с одной из арок константинопольского храма св. Софии» [Лебединцев 1884, 561]. Отец Пётр нисколько не сомневается, что содержание иконы – это «изображение Сына Божия в виде крылатого ангела» [Лебединцев 1884, 558], а вовсе не олицетворение силы, качества или принципа; и уж совсем никакого отношения оно не имеет к античной мифологии.

Возможно, читатель заметит в публикуемом тексте определённую авторскую тенденцию к омоложению новгородской иконы и удревнению киевской. Видимо, такая тенденциозность обусловлена стремлением опровергнуть тезис о том, что южная Россия подверглась католическому влиянию, которое выразилось и в иконографии, в частности – в киевской иконе Святой Софии. Автор исследования стремится доказать, что киевский вариант софийной иконографии опирается на византийские основания ничуть не менее, чем северный, новгородский.

О признании современниками высокого научного качества работы отца Петра свидетельствуют слова одного из его учеников: «Это был человек глубокого, оригинального ума. Ум его был преимущественно аналитический. Всякий предмет, попадавший в лабораторию ума этого человека, исследовался там со всех сторон и во всех его деталях. <...> Ум его был глубоко оригинальный, искавший в каждом предмете таких сторон и таких деталей, которые не были затронуты другими до него, которые ускользнули от внимания других. Даже в исследовании предметов общеизвестных он не желал идти проторенною дорогою, повторять известные мнения, но старался сказать что-либо новое, своё собственное» [Титов 1897, 42]. Оригинальное исследование протоиерея П. Лебединцева, бесспорно, входит в число наиболее заметных отечественных трудов, посвящённых софийной иконографии.

С. С. Аванесов

БИБЛИОГРАФИЯ

- Игнатий 2020 – *Игнатий, архиепископ Воронежский*. Об иконе Св. Софии в Новгородском Софийском соборе / Предисл., прим. архим. Макария. Подг. к печати, введ. С. С. Аванесова // *Визуальная теология*. 2020. № 1. С. 138–160.
- Лебединцев 1884 – *Лебединцев П.* София – Премудрость Божия в иконографии севера и юга России // *Киевская старина*. 1884. Том 10. С. 555–567.
- Модестов 1878 – *Труды III Археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 года*. Том 1 / Под ред. В. И. Модестова. Киев, 1878.
- Петровский 1897 – *Петровский С. В.* Протоиерей Петр Гаврилович Лебединцев // *Записки Императорского Одесского Общества Истории и Древностей*. 1897. Том XX. С. 10–13.

- Титов 1897 – Титов Ф., свящ. Киево-Софийский кафедральный протоиерей Петр Гаврилович Лебединцев. Киев, 1897.
- Филимонов 1876 – Филимонов Г. Д. Очерки русской христианской иконографии. София Премудрость Божия // Вестник Общества древнерусского искусства за 1874–1876 гг. Москва, 1876. С. 1–20.

REFERENCES

- Ignatius 2020 – Ignatius, archbishop of Voronezh. About the Icon of St. Sophia in Novgorod St. Sophia Cathedral. Preface and notes by Archimandrite Macarius. Prep. for publication and foreword by S. S. Avanesov. *Journal of Visual Theology*. 2020. 1. P. 138–160. In Russian.
- Lebedintsev 1884 – Lebedintsev P. Sophia the Wisdom of God in the Iconography of the North and South of Russia. *Kiev Antiquity*. 1884. Vol. 10. P. 555–567. In Russian.
- Modestov 1878 – Proceedings of the III Archaeological Congress in Russia in 1874. Vol. 1. Ed. by V. I. Modestov. Kiev, 1878. In Russian.
- Petrovsky 1897 – Petrovsky S. V. Archpriest Peter Gavriilovich Lebedintsev. *Notes of the Imperial Odessa Society of History and Antiquities*. 1897. Vol. 20. P. 10–13. In Russian.
- Titov 1897 – Titov F., priest. Kiev Sophia Cathedral Archpriest Peter Gavriilovich Lebedintsev. Kiev, 1897. In Russian.
- Filimonov 1876 – Filimonov G. D. Essays on Russian Christian Iconography. Sophia the Wisdom of God. *Bulletin of the Society of Old Russian Art*. 1874–1876. Moscow, 1876, P. 1–20. In Russian.

Икона Софии – Премудрости Божией, не встречающаяся на православном востоке и неизвестная неправославному западу, существует во многих церквях России, а преимущественно в тех, которые посвящены имени Софии – Премудрости Божией. Отличаясь некоторыми частностями в своём составе, она имеет два главных вида, или типа, в иконах новгородской и киевской.

С новгородской иконой Софии – Премудрости Божией сходны иконы того же имени, находящиеся в архангельском и вологодском Софийских соборах. С киевской иконой сего имени сходна храмовая икона тобольского Софийского собора. Все прочие иконы Софии – Премудрости Божией, находящиеся в различных храмах Новгорода, Москвы и других великороссийских городов, представляют собою варианты храмовой иконы новгородского Софийского собора с разными добавлениями, иногда довольно неудачными. Находя излишним вдаваться в исчисление оттенков иконы Софии – Премудрости Божией, измышленных нашими иконниками XVI и XVII века, остановим внимание на двух главных её видах: на храмовых иконах новгородского и киевского кафедральных соборов.

В новгородской иконе Софии – Премудрости Божией на первом плане представляется человекообразная фигура юношеского возраста, подобная ангелу, с длинными, разделёнными надвое волосами, спускающимися до плеч в виде локонов, и с большими крыльями. Вся фигура и её крылья красного или огненного цвета. Одета она в царский хитон, или саккос, с омофором и бармами поверх саккоса; на голове её венец с городами,

в правой руке длинный жезл с крестом сверху, а в левой – свиток. Она восседает на византийской подушке золотого престола, который поддерживается 7-ю столбиками и 4 ножками, ноги её покоятся на малой круглой подушке. По сторонам огнезрачной фигуры, на отдельных квадратных подставках, предстоят в наклонном положении: справа св. Дева с Предвечным Младенцем на круглом диске, держимом у груди обеими руками; с левой стороны – св. Иоанн Предтеча в власянице и хламиде, с поднятой для моления правой и с опущенной вниз левой рукой, которою он держит развёрнутый свиток. Над головой огнезрачной фигуры, в малом круге, на лучезарной звезде, поясной образ Спасителя, который благословляет обеими руками на обе стороны. Выше Спасителя, во всю ширину иконы, радуга, украшенная рядом звёзд, а посреди неё – престол, на котором лежит книга; пред престолом скамейка с приклоненными к престолу восьмиконечным крестом и копьём – орудиями Христовых страданий.

Киевская икона Софии – Премудрости Божией изображает св. Деву с воздетыми горе руками и с младенцем Иисусом в её лоне. Св. Дева стоит под 7-столпною сенью или ротондою на серповидной луне, поддерживаемой облаком, под коим большой амвон о 7 ступенях. На первой, нижней ступени амвона написано «Вера», на 2-й «Надежда», 3-й «Любовь», 4-й «Чистота», 5-й «Смирение», 6-й «Благодать», на 7-й «Слава». По ступеням того же амвона стоят праотцы и пророки: справа – Моисей, Аарон и царь Давид; слева – Исаия, Иеремия, Иезекииль и Даниил, каждый с символическим знаком и хартией в руке. На 7 столбах ротонды, в кругах под капителями коринфского ордера, изображены в венках эмблемы 7 даров Св. Духа с соответствующими надписями из Апокалипсиса. По карнизу сени строчная надпись: «Премудрость созда себѣ домъ и утверди столбовъ седмь». Над сению или ротондою изображены в лучах: Бог Отец благословляющий и под ним Св. Дух, в виде голубя, в светозарном облаке. По сторонам от Бога Отца 7 крылатых ангелов, поддерживаемых облаками, справа: Михаил, Уриил и Рафаил; слева – Гавриил, Салафиил, Иегудиил и Варахиил с символическими знаками в руках.

О новгородской иконе Софии – Премудрости Божией имеется уже довольно полное исследование г. Филимонова, помещённое в Вестнике Общества древне-русского искусства за 1874 год. Г. Филимонов в своём исследовании 1) говорит, что существование иконографических элементов этой иконы усматривается ещё в XI веке, и полагает, что новгородская икона Софии есть одна из древнейших по составу икон в России и сама собою древнейшая редакция икон этого имени; 2) признавая эту икону символическою, он утверждает, что в ней олицетворена премудрость в виде *женоподобной фигуры*, иначе сказать, богини, а всё прочее в этой иконе составляет дополнение, сделанное уже в смысле христианской церкви для выражения того, что Христос есть Божественная Премудрость. Что в состав новгородской Софии вошли элементы иконописи XI века, это очевидно для всякого сколько-нибудь знакомого с иконописными формами восточной церкви, но где именно взяты эти элементы и когда из них образовалась икона, получившая в Новгороде название Софии – Премудрости Божией, – на этот естественный вопрос у г. Филимонова нет хотя сколько-нибудь близкого ответа.

Если бы эта икона произошла в XI веке или раньше XI века, то, по всей вероятности, она могла бы сохраниться и в церквах восточных, по крайней мере могли бы сохраниться о ней какие-нибудь известия у греческих или у наших писателей. Но ни икон сего рода, ни известий о них не было и нет до XVI века. Очевидно, что новгородская икона Софии – Премудрости Божией не из древнейших икон в России. Что касается происхождения центральной фигуры на новгородской иконе Софии – Премудрости Божией, то, нам кажется, трудно представить, чтобы кто-нибудь из христиан XI века дерзнул изображение какой-нибудь музы или языческой богини выдавать за лик святой, достойный иметь место в храме христианском. Всякая попытка в этом смысле была бы отвергнута на востоке, так как символические изображения воспрещены VI вселенским собором, почему воспрещено было даже символическое изображение Христа в виде агнца. Несомненно, что икона Софии – Премудрости Божией впервые стала известной только у нас в России, и первое известие о ней относится к 1528 году, когда новгородский архиепископ, впоследствии московский митрополит Макарий расположил в новом порядке иконы иконостаса в новгородском Софийском соборе. В Москве центральная фигура новгородской иконы Софии, изображающая Спасителя в виде ангела с крыльями, появляется в половине XVI века, когда после пожара, опустошившего московские церкви, иконники, вызванные митрополитом Макарием из Новгорода, стали писать в московских церквах иконы в так называемых притчах, олицетворяя в них содержание некоторых церковных стихов. Таковыми были изображения: 1) *Богъ Отецъ въ видѣ ветхаго деньми*, 2) *Троецкое дѣяніе*, 3) *Почи Богъ отъ дѣлъ своихъ*, 4) *Совѣтъ превѣчный*, где Господь Иисус Христос изображён восседающим на херувимах с крестом в лоне Отца; 5) *Богъ Саваофъ*, изливающий из сосуда на Христа, стоящего *въ херувимѣхъ на крыльѣхъ*, 6) *Духъ Святой въ видѣ голубя* и 7) о Адамовом сотворении, где Сын Божий представлен *въ видѣ ангела съ крыльями*. Появление таких изображений было новостью для Москвы и произвело даже волнение в народе под влиянием речей дьяка Висковатого. Висковатый «о тѣхъ иконахъ сомнѣніе имѣлъ и вопилъ и возмущалъ народъ православныхъ крестьянъ, в соблазнъ и поношеніе многимъ», утверждая, что иконники «поставили свои мудрованія, толкующе отъ притчъ». Особенно ему казалось несообразным изображение Сына Божия в виде ангела с крыльями. Он думал даже, не скрывается ли в изображении Сына Божия *в виде ангела с крыльями* еретическая мысль, будто Сын Божий принадлежит к числу служебных духов. Митрополит отвечал Висковатому, что живописцы изображают Сына Божия в виде ангела по пророчеству о нём Исаии, который называет Его *Ангеломъ велика совѣта*, *Богомъ крѣпкимъ* и проч., и что они писали по древним образцам Афона, Греции, Новгорода.

Ссылка м. Макария на новгородские образцы показывает, что он разумел здесь новгородскую икону Софии – Премудрости Божией, которой не мог не знать, бывши пред тем новгородским архиепископом. Если изображение Сына Божия в виде крылатого ангела, которое составляет главную фигуру в новгородской иконе Софии, не было известно в Московской Руси до половины XVI в., если появлением своим в Москве оно возбудило даже толки

и недоумения; то нет сомнения, что икона эта не особенно древнего происхождения. Откуда же взяты и как перешли к нам те византийские элементы, из которых составлена новгородская икона Софии – Премудрости Божией?

В этой иконе можно различать две главных части: 1) центральную фигуру в виде огненного ангела с крыльями и 2) дополнения к ней, состоящие из дуги, престола, книги на нём и из двух фигур, находящихся вправо и влево от центральной фигуры, – Божией Матери и св. Иоанна Предтечи. То, что составляет в этой иконе дополнение, мы встретили в описании мозаик константинопольской Софии, сделанном при последней её реставрации Зальценбергом. Здесь сказано: «Если идти с запада к востоку внутри храма св. Софии, то на дуге 2-й пары главных устоев представляется медальон в 6-вершковой раме из радужных цветов, а в медальоне золотой, на низких ножках, стол под синим покровом, отороченным белой бахромой; на столе – золотая книга в красноватом переплёте, а поверх книги золотой крест из трёх перекладин, из коих средняя длиннее прочих двух. По спускам дуги, вправо – цельная фигура Иоанна Предтечи с длинными, спускающимися по плечам волосами и с раздвоенной бородой, в одежде из бурой косматой кожи, прикрытой платом светлого цвета, перекинутым чрез плечо; влево, на северном устое, против Иоанна Предтечи – Дева Мария с простёртыми вперёд дланями. Обе фигуры представлены в движении к центру». Итак, здесь, на одной из арок константинопольской Софии – почти всё, чем обставлен лик огнезрачной крылатой фигуры на иконе новгородской Софии. Недостаёт только медальона с ликом благословляющего Спасителя. Но как известно, что Спаситель в этом виде всегда в древности помещался на плафоне свода, между дугой конхи и дугой восточной пары устоев и, по всей вероятности, был так же изображен и на плафоне константинопольского Софийского храма, то для цареградского иконника интересно было скопировать и этот лик, чтобы поместить его под радужной дугой медальона, изменив только положение фигуры Спасителя из горизонтального в прямое. Перенеся всё это на доску или на полотно, оставалось ещё чем-нибудь наполнить пустое пространство в середине арки. Естественно, в престоле с книгой на нём усматривалось изображение Премудрости Божией, но золотой престол и разноцветная дуга вместе могли воспроизвести в воображении иконника символический лик, описанный в 4-й главе Апокалипсиса так: «*И видяхъ инога ангела крѣпка, сходяща съ небесе, и дуга надъ главою его яко солнце, и нозѣ его яко столпы огненны*» (гл. 10, ст. 1); «*Се престоль стояше на небеси и на престоль съдящѣ. И сидѣй бѣ подобен видѣнїемъ камени іаспису и сардинови, и бѣ дуга окрестъ престола подобна видѣнїемъ смарагдови*» (гл. 4, ст. 2). Видение Даниила могло напомнить изографу виденный пророком престол Ветхого деньми, *аки пламень огненный* (7, 9), и припомнить ему сродное видение тайновидца Иоанна, которому виделся *на облацѣхъ съдѣй – подобенъ Сыну чловѣческому, имѣяй на главѣ своей вѣнецъ златъ* (Апок. 14, 14). Если изограф знаком был с памятниками христианской древности, то ему могло быть небезызвестным, что на древних христианских саркофагах между фигурами трёх отроков, брошенных в вавилонскую пещь, помещалось четвёртое лицо, одной рукой благословляющее, а в другой держащее свиток, которое при иллюстрации красками должно было

представляться огненным, как отражавшее на себе лучи пылавшего в печи пламени. Изограф старого времени, без сомнения, знал церковные службы, поэтому ему, конечно, также известна была церковная песнь праздника Сретения Господня: «На престолъ огнезрачнѣмъ съяди со Отцемъ и божественнымъ Духомъ благоволилъ еси родитися на земли отъ Отроковицы, неискусомужныя твоя Матере». Нельзя также думать, чтобы знакомый с востоком и с иконографией св. Софии константинопольский изограф не знал, что София, которой посвящён знаменитый Юстинианов храм, есть воплощённая Премудрость, Сын Божий, Иисус Христос, предвозвещённый у пророков под именем ангела велика совѣта, властелина, *Его же начальство на ремѣхъ Его* (Ис. 9, 6–7). Таким образом, у церковного изографа могли быть в виду все элементы, усматриваемые в деталях центральной огнезрачной фигуры на новгородской иконе Софии – Премудрости Божией, а потому не было ему никакой надобности обращаться к античным, языческим элементам для представления воплощённой Премудрости Божией в образе более выразительном, чем книга на златом престоле, находившаяся вверху арки Софийского храма. Желая представить эту Премудрость в живом, воодушевленном образе, он пользовался не языческими, а библейскими элементами и олицетворил её в виде ангела с жезлом в одной и с свитком в другой руке. Так как чудное отроча, сын будущего века, у пророка называется не только ангелом велика совета, но и *властелиномъ, княземъ мира, владычество коего на раменахъ Его* (Ис. 9, 6–7) и коего царствованию на престоле Давида нет предела; то изограф, соответственно сему, облѣк Его в царскую одежду, возложил на главу Его венец, а на плечи царские бармы, и посадил на царском, огнезрачном престоле. От огнезрачного престола огненный отблеск должен был отразиться не только на фигуре восседающего ангела, но и на близких к нему ликах Божией Матери и св. Иоанна Предтечи. Шесть ангелов, благоговейно преклоненных по обе стороны стола, на котором вверху арки лежит книга, обычный символ премудрости, составляют дополнение картины, которое, вероятно, было некогда на той же арке в храме Софии, но не уцелело до нашего времени.

Таково, по нашему мнению, происхождение и таков смысл новгородской иконы Софии – Премудрости Божией. В центре её находится не античное, а библейское олицетворение Премудрости. Это не женское, но и не мужское лицо; это не св. Дева, а воплощённая Премудрость, Господь Иисус Христос в виде ангела Нового Завета, облечённый атрибутами царской власти, а рамой этой картине служат изображения, скопированные с одной из арок константинопольского храма св. Софии.

Вопрос о том, когда составлена новгородская икона Софии, разрешается отчасти временем самых мозаик на 2-й паре устоев цареградской Софии. Мозаики эти принадлежат императору Иоанну Палеологу (1355–1424 гг.). Он исправлял ветхости Юстинианова храма и добавил к ним несколько мозаических изображений, которые отличаются от древнейших VI века мозаик менее строгими позами фигур, меньшим совершенством в их выполнении и характером самого шрифта подписей на фигурах Божией Матери и Иоанна, переходящих в скоропись. Под фигурой Божией Матери здесь, на спуске арки изображён и сам император Иоанн Палеолог. Следовательно,

новгородская икона Софии могла быть составлена не раньше 2-й половины XIV в. и не позже 1-й половины XV века, в котором Константинополь взят турками. Этим временем, довольно поздним в иконографии византийской, объясняется и *осьмиконечие* креста, приклоненного к книге, лежащей поверх престола на арке. Изображение такого креста имеется в Афонском Ватопедском монастыре на иконе св. апостолов Петра и Павла, с подписью, что икона эта есть приношение Андроника, благочестивого царя Палеолога (1282–1341 гг.). Там же находится большой запрестольный восьмиконечный крест, бывший у нас в России немалое время при Иване Васильевиче IV и слывший под именем креста Константинова, но никак не принадлежащий его времени, и который, по всей вероятности, послужил поводом к особенному чествованию восьмиконечного креста в северо-восточной Руси, дошедшему у раскольников до порицания древнейшего креста, четвероконечного. Изображение апостола Петра с ключами на Андрониковой иконе показывает достаточно, что как эта икона, так и изображённый на ней 8-конечный крест, не чисто византийского происхождения, а составлены под влиянием западного, итальянского искусства.

В Новгороде икона Софии, как сказано выше, была уже в 1528 году, когда новгородским архиепископом Макарием сделано реформирование иконостаса новгородского Софийского собора и новое размещение в нём икон. Но замечательно, что новгородская летопись, передавая известие об этом, не причисляет икону Софии к цареградским иконам. Установление новгородским архиепископом Геннадием в новгородском Софийском соборе нарочитого празднества только в день Успения Божией Матери, с крестным ходом из всех новгородских церквей и отменой подобных торжеств с крестными ходами, бывших дотоле во все двенадцатые праздники, послужило в XVI веке основанием считать день Успения Божией Матери храмовым праздником новгородского Софийского собора и дало повод видеть уже на иконе Софии – Премудрости Божией не ангела, а женский идеал приснодевства Божией Матери. Затем являются в Новгороде и толкования Софии – Премудрости Божией, в которых говорится, что образ Премудрости Божией Софии *«проявляет собою Пресвятая Богородицы не изглаголаннаго дѣвства чистоту; имать же дѣвство лице дѣвиче огненно... и надъ главою имѣеть Христа и на высоту простерты небеса»*. Детали огневидной фигуры, сидящей на престоле, как то: царский венец, огненные крылья, свиток, препоясание, семь столпов престола, подножный камень, толкуются также в применении к девству вообще и к девству Пресвятой Богородицы в частности. Но в службе Успению Божией Матери, совершаемой в новгородском Софийском храме в этот праздник, между песнями в честь Успения Богородицы помещено немало стихир, в которых понятие о Софии – Премудрости Божией двойтся: под нею разумеется то Иисус Христос – Ипостасное Слово Божие, то Богоматерь в отношении к тайне воплощения и своему приснодевству.

Киевской иконе Софии – Премудрости Божией г. Филимонов усвоит позднейшее происхождение, относя состав её лишь к XVIII в. Положим, что древних икон, совершенно сходных с Киево-Софийскою, не сохранилось у нас в России, и находящаяся ныне в числе наместных икон храмовая икона Киево-Софийского собора действительно принадлежит половине XVIII века.

Но в московской Благовещенской церкви на Бережках, по сообщению самого же г. Филимонова, до 1849 года была замечательная икона Софии – Премудрости Божией киевского митрополита Варлаама Ясинского, не позже 1707 года, в который он умер, сгоревшая в Гуслицком монастыре вместе с другими древними иконами, собранными туда из московских церквей. Совершенно сходная с киевскою храмовая икона тобольского Софийского собора принадлежит XVII веку. Сопровождавший Антиохийского патриарха Макария в 1654 г. диакон Павел видел в Киево-Софийском соборе храмовую икону Софии – Премудрости Божией, которая, по его описанию, в главном совершенно сходна с ныне находящеюся на том же месте. Известно также, что ещё раньше сего митрополит киевский Пётр Могила посылал царю Михаилу Феодоровичу на благословение икону Софии – Премудрости Божией. Наконец, автор синодальной рукописи, приводимой г. Филимоновым, монах Ефимий XVII века, сказавши, что приличнее писать св. Софию воплощённого Христа Бога, добавил: «якоже и видится пишемый образъ св. Софии, по пророчеству мудрого Соломона, храмъ имущъ внутрь Христа и столпы седмъ и надъ столпами Духъ Святыи въ голубиниъ образъ». Хотя монах Ефимий, конечно, имел при этом в виду не киевскую икону, а новгородские так называемые крестные иконы Софии – Премудрости Божией, из коих одна находится в новгородском Софийском соборе, а другая в Крестовоздвиженской церкви Юрьева монастыря, а также новгородскую софийскую икону, известную под названием «Отрыгну сердце мое»; но замечание его в равной мере можно относить и к киевской иконе Софии. Кроме того, архитектурная часть вышеупомянутых новгородских икон, а в особенности крестной, та же, что и в киевской иконе Софии; почему эти иконы можно считать особыми редакциями киевской. Новгородские иконы отличаются от киевской иконы Софии только тем, что на них Спаситель изображён не в лоне Богородицы, а на кресте, изображение Бога Отца вверху Св. Духа заменяется образом благословляющего обеими руками Спасителя и святые стоят группами не по ступеням семистолпной сени, а по её бокам, одни над другими². На иконе «Отрыгну сердце мое» есть почти всё, что и в киевской, только Спаситель представлен не в виде младенца, а в совершенном возрасте, восседающим на троне между двумя архангелами, подобно Богородице на Влахернской иконе, и нет 7-столпной сени. В особенности замечательно, что на последней иконе из уст Спасителя ниспадают вниз на поражённых людей лучи, которые оканчиваются надписью: «Людие предъ тобою падуть в сердце врагъ царевыхъ»; ибо нечто подобное сему, по описанию диакона антиохийского Павла, в XVII в. было и на киевской иконе Св. Софии, именно: на ней, под семистолпную сению, был изображён «дракон, держащий лук и стрелы, а вокруг его персиане с луками и стрелами и группа франков с пушками и мушкетами», т. е. было изображено сатанино воинство, воинствующее на церковь. По его же описанию, на одной из северных дверей Киево-Софийского собора были изображены София и Св. Дух, от которого падают

² На иконе новгородского Юрьева монастыря есть и символы 7-ми даров Св. Духа, и Вера, Надежда, Любовь.

лучи на церковь, и представлена борьба персиан с франками, которые стреляют из пушек и мушкетов против франков, вооружённых луками. При таком сходстве с киевской иконой Софии новгородских икон того же имени, которые г. Филимонов относит к XVI в., надлежало бы к тому же XVI в. причислить и первую из них, т. е. киевскую. Но есть основание думать, что киевская икона Софии – Премудрости Божией ещё древнее, потому что входящие в состав её элементы находятся на иконах того же имени, древнейших XVI века. Так, храм, украшенный 7 колоннами, с Богородицею и предвечным при ней Младенцем в круте изображён на иконе Премудрости, принадлежащей графу Уварову³ и относящейся к XV в.; всё отличие её от киевской иконы состоит в том, что храм этот не в виде сени, а в форме древней базилики; в семи кругах, выше главы Богородицы, не 7 даров Св. Духа, а 7 духов в три ряда, один над другим, и Богородица не стоит, а сидит на троне, вправо от колоннады. Так, графу Банти во Франции принадлежит русская икона XV века, содержание коей «Премудрость созда себѣ домъ», «зробленная», как гласит надпись на ней, повелением благоверного князя Феодора Ивановича Ярославича, пинского князя, за которым была дочь киевского князя Симеона Олельковича († 1471 г.)⁴. В константинопольской патриаршей церкви, на 2-й колонне от алтаря, находится поступившая сюда с Афона или из константинопольской сербской церкви 1521 года икона Премудрости, на коей Божия Матерь изображена с младенцем Иисусом на руках, с предстоящими ей по правую сторону Соломоном и Даниилом, а по левую Давидом и Исаиею, из коих у каждого в руке свиток и на свитке Соломона слова: «Премудрость созда себѣ домъ» и проч. Изображение Божией Матери с младенцем Иисусом, не держимым на руках, а только предъявляемым миру в её лоне, было в употреблении и на печатях константинопольских патриархов, как символ кафедрального их храма Премудрости Божией, в центре которого, на запрестольной стене, находилось такое же мозаическое изображение, уцелевшее до нынешнего времени. Такое же изображение употреблялось и употребляется ныне на печатях киевских митрополитов, с добавлением семистолпной сени.

После этих исторических указаний на древность главных составных частей киевской иконы Софии – Премудрости Божией ещё остаётся открытым вопрос, которая икона этого имени древнее, киевская или новгородская.

На киевской иконе, изображающей Иисуса Христа в лоне Св. Девы, выражено воплощение Сына Божия. Но, всмотревшись внимательнее в состав этой иконы в том виде, как она была в XVII веке, нужно признать, что в ней вместе с тайной премудрости, явленной в воплощении Сына Божия от Девы, представлено и апокалипсическое видение о борьбе семени жены с драконом. В Апокалипсисе таиновидец пишет, что в видении ему показалась на небе «жена облеченная въ солнце, подъ ногами ея луна, и на главѣ ея вѣнецъ изъ 12 звѣздъ. Предъ этой женой, которой надлежало родить, былъ драконъ съ 7 головами и съ 9 рогами. Жена родила Сына, которому надлежало

³ Древности, изд. Моск. археол. общ., Москва, 1867 г., сент.–окт.

⁴ Melanges d'Archéologie в статье г. Филимонова о Софии – Премудрости Божией. – Вестн. древне-рус. искусства, 1874 г., 1–3.

пасти всѣ народы жезломъ жельзнымъ. Драконъ преслѣдуетъ жену, которая родила Сына, и даны женѣ два крыла, чтобы она летѣла въ пустыню. И вступилъ драконъ въ брань съ прочими отъ стѣмни жены, сохраняющими заповѣди Божія и имѣющими свидѣтельство Христово» (Апок. XII, 1, 3, 5, 13, 14, 17).

Всё сказанное в этих стихах 12 главы Апокалипсиса действительно было на Киево-Софийской иконе Софии – Премудрости Божией. Хотя в ныне существующей иконе сего имени недостаёт венца из 12 звёзд вокруг главы Богоматери, нет уже и 7-главого дракона, но такой венец сохранился на древнейшей её копии – храмовой иконе тобольского Софийского собора и в рельефном изображении той же Софии – Премудрости Божией на окладе Евангелия, подаренного Киево-Софийскому собору преосвященным Стефаном, митрополитом Рязанским, в 1703 году. Седмиглавый дракон, как выше упомянуто, был на Киево-Софийской иконе ниже 7-столпной сени при обозрении Киево-Софийского собора в 1653 г. диаконом Павлом. Тот же 7-главый дракон находился под ногами Божией Матери, изображённой в виде крылатой жены с младенцем в лоне на киевской иконе Софии конца XVII в., бывшей в московской церкви на Бережках.

Итак, мы приходим к след. заключениям: 1) Ни в новгородской, ни в киевской иконе Софии – Премудрости Божией нет никаких античных элементов, заимствованных из греческого или римского языческого мира, и потому отвергаем предположение, будто центральная фигура в иконе Софии – Премудрости Божией первоначально была олицетворением идеи мудрости вообще в виде девы или музы. 2) В новгородской и киевской иконе Софии главное лицо есть Сын Божий Иисус Христос, воплощённая премудрость Божия, второе Лицо Св. Троицы; разность лишь в том, что на новгородской иконе Он представлен в виде ангела велика совета, а на киевской – в виде младенца, покоящегося в лоне Св. Девы. 3) Состав той и другой иконы XVI века, а их элементы принадлежат более древнему времени. 4) Киевская икона Софии с младенцем Иисусом в лоне Божией Матери, стоящей посреди седмистолпной сени, образовалась не под западным, а под библейским влиянием. 5) Сличение новгородской иконы Софии – Премудрости Божией с киевскою иконою того же имени нисколько не даёт повода согласиться с г. Филимоновым, что во время появления этих икон, в XVI веке, преобладало православие на севере более, чем на юге России.

Для цитирования:

Пётр Лебединцев, протоиерей. София – Премудрость Божия в иконографии севера и юга России / Подг. к печати, предисл. С. С. Аванесова // Визуальная теология. 2020. № 2. С. 171–186. DOI: <https://doi.org/10.34680/vistheo-2020-2-171-186>.

For citation:

Peter Lebedintsev, archpriest. Sophia the Wisdom of God in the Iconography of the North and South of Russia. Prep. for publication and preface by S. S. Avanesov. *Journal of Visual Theology*. 2020. 2. P. 171–186. DOI: <https://doi.org/10.34680/vistheo-2020-2-171-186>.